

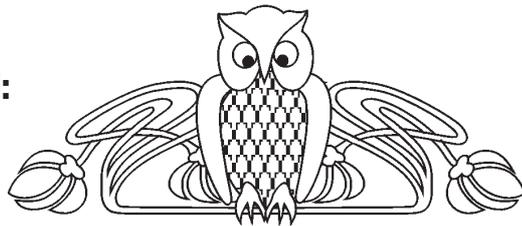
Слово молодым политологам

УДК 322

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ПОЛИТИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ В РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Ю. В. Зевако

Саратовский государственный университет
E-mail: miiirita@rambler.ru

В статье исследуются этнокультурные основы политической модернизации. Автор проводит ретроспективный анализ проблем политизации этничности в интересах государственного строительства в российской истории, устанавливает взаимосвязь кризиса этничности и авторитарных тенденций политического процесса современной России.

Ключевые слова: политическая модернизация, государственное строительство, этничность.

State-Building and Politicization of Ethnicity in Russia: Retrospective Analysis

Yu. V. Zevako

This article investigates ethnic and cultural foundations of political modernization. The author carries out a retrospective analysis of the problems of politicization of ethnicity in the interest of state-building in Russian history, shows a relationship crisis of ethnicity and authoritarian tendencies of the political process in modern Russia.

Key words: political modernization, state-building, ethnicity.

Проблемы формирования и функционирования этнической идентичности в контексте государственного строительства в многонациональной России продолжают сохранять свою актуальность. Цикл событий, связанных с массовыми беспорядками на Манежной площади в Москве 11 декабря 2010 г.¹, показывает, какие тяжелые последствия для многонационального государства может иметь политизация этничности, особенно если замалчивать эту проблему, как будто её не существует. Взаимосвязь этнического и политического сложнее и многограннее, чем это кажется на первый взгляд, и сегодня в особенности требует внимательного и пристального изучения.

Согласно классификации политических режимов Х. Линца, каждый из них обладает рядом неотъемлемых черт, среди которых автор выделяет политический плюрализм, социальный и экономический плюрализм, идеологию, мобилизацию, лидерство². Автор подчёркивает связь между идеологией и политической мобилизацией граждан: авторитаризм характеризуется тем, что при отсутствии направляющей, чётко сформулированной идеологии правящей элите неимоверно трудно мобилизовать массы, которые, следовательно, не

могут идентифицировать себя с режимом. Отсюда – рост апатии, деполитизации и отчуждения от режима определённых социальных групп. Кроме того, пишет Х. Линц, мобилизация и не особо нужна авторитаризму, поскольку мобилизованные люди – при отсутствии чёткой идеологической базы – способны когда-нибудь выступить против самого режима.

Тоталитаризму, наоборот, присуща тотальная идеологизация общества, выступающая, с одной стороны, как средство постоянной легитимации установленного политического режима и его курса, а с другой – как орудие мобилизации масс для достижения политических и коллективных социальных задач. Однако если говорить о качественной стороне такой мобилизации, то это «управляемая мобилизация» – из центра и для центра (главный канал – партийный)³.

Можно предположить, что если политизация тех или иных сфер жизни человека и/или общества тесно связана с формой государства (в частности, политическим режимом), то политизация этничности, как одна из характеристик общества в целом, и отдельного человека, тоже тесно связана с наличествующей в конкретный исторический период формой государства.

Следуя логике Х. Линца, политизацию можно рассматривать как двуединство идеологизации и мобилизации. Соответственно, при низком уровне и того, и другого можно говорить об имплицитной политизации этничности (пока не явной, но потенциально возможной), при высоком уровне и того, и другого⁴ – об эксплицитной политизации этничности. Переход из одной категории в другую тесно связан с тем, попадает ли в настоящий момент этничность (как характеристика общества, и отдельного человека) в фокус актуальной политики, создана ли «среда политизации» с соответствующими реактивами и катализаторами (часто не зависящими от тех политических сил, которые стоят во главе государства). Момент перехода, согласно теории политических систем Д. Истона, можно рассматривать в качестве «вызова», постановки проблемы перед существующей формой государства, испытывающей его на прочность и эффективность, на способность «чёрного ящика» (то есть политического режима как комплексной характеристики

политической системы) эффективно обработать ожидания, потребности и запросы на «входе» и дать адекватный «ответ» на «выходе»⁵.

Распад Советского Союза сделал необходимым формирование нового государства – на демократических основах, включая соответствующие демократические ценности (частная собственность, верховенство закона, невмешательство государства в частную жизнь, свободный рынок и пр.), форму правления (президентская республика) с соответствующими государственными (президент, парламент) и негосударственными (партии, группы интересов) институтами, с соответствующей формой государственного устройства, учитывающей и обеспечивающей интересы территориальных, региональных и этнических групп – федерацией, построенной по национально-территориальному признаку. Однако, как показывает двадцатилетний опыт, эти демократические принципы не смогли в полной мере реализоваться в России. Более того, с 2000-х гг. происходит явная унитаризация государственного устройства и авторитаризация политического режима.

Закономерен вопрос: почему демократия не приживается в России? Здесь уместно обратиться к размышлениям Д. Растоу и других учёных о необходимых условиях демократизации. В первую очередь – это сформировавшиеся национальная идентичность и государственное единство, то есть наличие нации как двуединства суверенного территориального государства и гражданского общества⁶. Как мы видим, успешность внедрения демократии как «народовластия» связана с необходимостью чёткого определения содержания терминов «народ», «нация», «этничность». Пресловутый поиск национальной идеи, объявленный в 1990-е гг., есть не что иное, как попытка «задним числом» сформировать и обосновать это «двуединство» государства и общества.

Именно на эти годы приходится всплеск научных исследований, связанных с разработкой таких тем, как «менталитет», «душа народа», «русская идея»⁷, «этнические константы»⁸, «национальное самосознание», «национальная и этническая идентичность»⁹ и т. п. Учёные стали активно обращаться к интеллектуальному наследию запрещённых в советское время русских философов XIX – нач. XX вв. (особенно востребованными оказались П. Я. Чаадаев, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин и др.), а также к зарубежному опыту исследований в данной области (в первую очередь, к трудам представителей так называемой «школы Анналов», современным нациоведам)¹⁰, к психологическим и социологическим теориям. Поиски оптимальной эвристической конструкции понимания сущности «нации» привели к развитию междисциплинарных связей в исследованиях данного феномена. Наиболее активно с этнологами стали сотрудничать историки, психологи, философы, политологи, социологи, формируя

новые направления в собственных науках: этнопсихологию, этносоциологию, этнополитологию и др. С расширением круга междисциплинарности обогатились и методы исследований: широкое применение нашли математические методы, позволяющие быстро обчислять числовую информацию и строить соответствующие модели (особенно в этнопсихологии).

Безусловно, за прошедшие два десятилетия российская этнология сделала большой шаг вперёд в усвоении новых идей, теорий, концепций и парадигм; представителями различных дисциплин была проведена огромная работа по их адаптации, усвоению и экстенсивному (количественному) апробированию. Однако качественного рывка в понимании и определении сущности понятий «народ» и «нация» применительно к российской почве сделать пока не удалось. Почему? На сегодняшний день в российском интеллектуальном пространстве всё разнообразие подходов к изучению обозначенного феномена так или иначе располагается между двумя полюсами – примордиализма, представленного последователями советской школы этнографии во главе с Ю. В. Бромлеем¹¹, и конструктивизма, принципы которого на поле современной российской гуманитарной науки отстаивает нынешний директор ИЭА РАН В. А. Тишков¹².

Принципиальное различие двух подходов заключается в том, что «в версии примордиализма „народ“ считается объективной реальностью и задача науки состоит в воссоздании его истории и праистории, а конструктивизм представляет нацию как воплощённый миф и задачу науки видит в выявлении акторов и технологий этого воплощения»¹³. Другими словами, в первом случае нация представляет собой некую «пред-данность», основанную на «почве и крови», объективную реальность, которую можно определить как «межпоколенную группу людей, объединённую длительным совместным проживанием на определённой территории, общим языком, культурой и самосознанием»¹⁴. Во втором случае это виртуальная реальность, «реальность отношений, а не реальность набора объективных признаков», это «воображаемые сообщества», интеллектуальный конструкт учёных, политиков, писателей, принадлежность к которому не заложена в человеке изначально¹⁵.

В идеале принятое в конкретном государстве представление о «нации» должно функционально соответствовать его территориально-географическим и культурным характеристикам, социально-экономическим и политическим задачам, создавая благоприятные условия для утверждения необходимой формы государства.

Российская империя до прихода к власти большевиков была страной аграрной. Традиционный характер Российской империи предполагал огромное локальное разнообразие этнических культур, основанных на «почве», «крови», языко-

вой и религиозной принадлежности. При внешней взаимоткрытости локальных культур (хозяйственные, деловые связи, найм на сезонные работы и пр.) доступ внутрь был крайне затруднён (порицание межэтнических и межконфессиональных браков, чёткое определение круга родственных населённых пунктов и пр.). Эндогамность, языковые и религиозные различия создавали практически непроницаемый барьер между соседними локальными культурами, поддерживая их этническое многообразие, а чересполосность проживания позволяла сводить к минимуму любые объединения родственных культур для предъявления политических требований центральной власти.

Фактически, примордиалистские представления людей о своём народе и своей этничности воспроизводились из поколения в поколение и не противоречили наличной реальности. Всё это при необразованности большинства населения, неразвитости средств коммуникаций (как транспортных путей, так и СМИ) и запрете на деятельность негосударственных политических институтов (для предотвращения активизации национальных элит) позволяло существовать Российской империи как единому политическому целому и постепенно внедрять «русский националистический проект» в качестве будущей «нации-согражданства»¹⁶. Однако в результате революций 1905–1907 гг. и 1917 г. была разрешена деятельность негосударственных политических институтов и, тем самым, было открыто поле для легитимного отстаивания иных «националистических проектов», причём не только и не столько среди элиты, сколько среди широких масс простого населения – как на окраинах (Польша, Украина), так и во внутренних районах страны (Поволжье, Южный Урал и др.).

Этничность отдельных групп перешла из фазы имплицитной в фазу эксплицитной политизации – с высоким уровнем мобилизации. При отсутствии чёткой идеологической базы, удовлетворяющей все слои населения, политическая система царского авторитарного режима оказалась не в состоянии дать адекватный ответ на «выход» из «чёрного ящика». Российская империя распалась.

События начала XX в. в России иллюстрируют справедливость утверждения В. М. Суханова о том, что «в сложных по этническому и конфессиональному составу общностях не может быть однозначных оценок критериев идентичности», а «усиление и конкретизация групповой идентичности может послужить фактором политической дезинтеграции»¹⁷.

В 1920-е гг. перед большевиками встала непростая задача: преодолеть «политическую дезинтеграцию», подогреваемую широко распространёнными националистическими настроениями, получившими название мелко-буржуазного шовинизма. Необходимо было найти, сформулировать, сконструировать интегративную идентичность с однозначными критериями, которая бы одинаково

понималась и воспринималась представителем любой категории населения в любой точке Советского Союза. Как подчёркивает В. М. Суханов, «индивидам, обладающим различной идентичностью, адаптироваться к условиям инокультурной среды и взаимодействовать в этой среде с подобными им носителями идентичности позволяет смутность критериев [идентичности]»¹⁸. Значит, гомогенность нового типа могла быть достигнута только в результате целенаправленного «размывания» старых этнодифференцирующих характеристик, уходящих корнями в природное, «почвенное» локальное культурное многообразие, постоянно продуцируемое и поддерживаемое своими носителями.

«Индустриальный рывок», сделанный Советским Союзом в 1930–1950-е гг. за счёт коллективизации села, и последующие мероприятия власти (мобилизация в армию мужчин из разнонациональных населённых пунктов, введение системы распределения русских специалистов после окончания вузов по национальным деревням, введение в национальных школах обучения на русском языке и т. п.) стали одним из ключевых факторов формирования советской политической идентичности. Тоталитарный режим обеспечивал незаметное проникновение и усвоение новых идей и реалий в повседневную жизнь людей. Так, например, старая религиозная праздничная культура, поощряющая активную поддержку родственных связей, уже в 1960–70-е гг. уступает место профессиональной праздничной культуре¹⁹. В это же время резко возрастает количество смешанных браков, связанное с наступлением репродуктивного возраста у атеистически воспитанного послевоенного поколения²⁰.

В условиях посттоталитарного режима качественные сдвиги, которые происходили в идентификационных схемах простых советских людей, воспринимались не иначе, как успех советской национальной политики в формировании «новой исторической общности – советского народа». Теоретико-методологические и научно-практические изыскания советских этнографов, описывающих «этнос-народ-нацию» как объективную реальность, вводили в власть предрержащих, и общество в некоторое эйфористическое заблуждение по поводу собственной этничности: жёсткие примордиалистские характеристики («кровь», «почва», вера, язык, культура и пр.), фактически потерявшие своё функциональное значение в индустриальном обществе, отошедшие на второй план по сравнению с конструктивистской политической советской идентичностью, по-прежнему воспринимались как живая, объективная реальность, определяющая этническую принадлежность и этническое бытие другого.

Противоречие, заложенное в советское время, вскрылось после распада Советского Союза и редукции политической советской метаидентичности к более мелким этническим группам. По-

пытки воспроизвести этническое разнообразие в том виде и тех границах, которое оно имело в дореволюционный период, оказались неудачными, поскольку, теряя понятность и неизбежность примордиалистского понимания собственной национальности, основывающегося на естественных «почве и крови» (например, супруги и дети в смешанных браках), заставило каждого отдельного человека самостоятельно искать новые основания, которые уже не столь понятны и неизбежны, не имеют жёстких единых критериев, вынуждают делать собственный ответственный выбор в зависимости от конкретных ситуаций, «конструировать» собственную идентичность. Принимая во внимание то, что в реальной жизни большинство населения мыслит примордиалистскими категориями и каждый склонен приписывать другому значения национальности по формальным и внешним признакам (родители, внешность, религия, язык) вне зависимости от самоощущения человека (тогда как именно внутреннее самоощущение всё больше становится основным критерием национальности для самих людей), можно говорить о кризисе этничности как внутри отдельного человека, так и относительно целой нации. Кризис усугубляется тем, что политические элиты как лицо государства подвержены тому же кризисному состоянию собственной этничности и неспособны сегодня продуцировать в широкие массы населения сколько-нибудь цельное представление о собственной нации. В условиях объявленного перехода к демократии и провозглашения демократических прав, свобод и принципов построения государства это приводит к неопределённости и самого термина «демократия», а за ним и социальных и политических реалий.

Утверждение стабильной модели демократии возможно только при активной политизации общества со стороны власти и ответственной мобилизации каждого его члена. Однако «смутность критериев» этничности подрывает монополию власти на политизацию этничности в рамках государственной идеологии. Это позволяет негосударственным политическим институтам перехватывать инициативу в политизации этничности, ослабляя сплачивающий потенциал государственных политических институтов.

При такой ситуации федеративная система в России, построенная по территориально-национальному признаку, оказывается очень уязвимой, требующей непрерывного контроля со стороны центральных органов власти.

Таким образом, кризис этничности и отсутствие непротиворечивой концепции нации в России способствует тенденции установления вместо стабильной демократии авторитарного политического режима и унитарного государственного устройства, а политизация этничности сегодня продолжает оставаться одним из ключевых политических процессов в контексте российского государственного строительства.

Примечания

- 1 См.: Борисов Т., Фалалеев М. 282-я просит защиты // Рос. газ. 2010. 15 дек. № 5362(283) ; Выжуртович В. Манеж агрессии // Рос. газ. 2010. 17 дек. № 5365(286) ; Фалалеев М. Скорбь и провокация // Рос. газ. 2010. 13 дек. № 5360(281) ; Чезгорский Н. События на Манежной площади: как не допустить превращения народа в толпу? // Известия. 2010. 14 декабря.
- 2 См.: Линц Х., Степан А. Государственность, национализм и демократизация // Полис. 1997. № 5. С. 9–30.
- 3 Там же.
- 4 Х. Линц подчёркивает возможность мобилизации масс и при отсутствии чёткой идеологии, рассматривая этот процесс при авторитаризме как ненужную угрозу существующему порядку. Это связано с тем, что мобилизуемые/мобилизуемые массы начинают создавать, продуцировать «идеологию», вокруг которой и происходит мобилизация.
- 5 См.: Истон Д. Системный анализ политической жизни. М., 1995.
- 6 См.: Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5–15.
- 7 См.: Трофимов В. К. Душа русского народа. Екатеринбург, 1998; Судьба России: Национальная идея и её исторические модификации : докл. пятой Всерос. конф. Екатеринбург, 14–15 октября 2003 г. Екатеринбург, 2003 ; Ольшанский Д. А. Национальная психология русского народа в «L'idee Ruse» Владимира Соловьёва // Этнические проблемы современности. Ставрополь, 2001 ; и др.
- 8 См.: Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряжённости. М., 1998 ; Российская идентичность в условиях трансформации: Опыт социологического анализа. М., 2005 ; Лебедева Н. М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психол. журн. 2000. № 3.
- 9 См.: Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003 ; Садохин А. П. Этнология : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004 ; Хотинцев В. Ю. Этническое самосознание. М., 2000 ; Дробизжева Л. М. Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации // Мир России. 2001. № 2 ; Мухина В. С. Личность и этносы в условиях столкновения цивилизаций // Мир психологии. 2001. № 4.
- 10 См.: Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М., 2001 ; Гринфелд Л. Национализм и разум // Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М., 2007. С. 105–121 ; Elias Hose Palti. The nation as a problem: Historians and the «national question» // History and Theory. 2001. October. P. 324–346 ; Miller D. The Ethical significance of nationality // Ethics 88. 88. July. P. 647–662 ; Kalhoun G. Nationalism and Ethnicity // Annu. Rev. Sociol. 1993. 19. P. 211–239 ; Banks M. Ethnicity: anthropological constructions. L. ; N.Y., Taylor & Francis e-Library, 2004.
- 11 См. программный труд: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.

- ¹² См. программный труд: *Тишков В. А.* Указ. соч.
- ¹³ *Головнёв А. В.* Дрейф этничности // Урал. ист. вестн. 2009. № 4(25). С. 51.
- ¹⁴ *Бромлей Ю. В.* Указ. соч. С. 22.
- ¹⁵ См.: *Тишков В. А.* Указ. соч. С. 115–125.
- ¹⁶ См.: *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.
- ¹⁷ *Суханов В. М.* Региональная политическая идентичность в современной России: идеологические, социокультурные и исторические основания / под ред. А. А. Вилкова. Саратов, 2008. С. 9–12.
- ¹⁸ *Суханов В. М.* Региональная политическая идентичность в современной России. С. 9.
- ¹⁹ См.: *Зевако Ю. В.* Праздники и идентичность: конструирование светскости в многонациональном районе // Конструирование «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы науч. конф. студ. и аспирантов. СПб., 2010. С. 47–51.
- ²⁰ По материалам этнографических экспедиций 2008–2009 гг. в Нижнесергинском и Красноуфском районах Свердловской области под руководством чл.-корр. РАН А. В. Головнёва по гранту РГНФ-Урал № 08-01-83113а/У.

УДК 342

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ СОБСТВЕННОСТИ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Л. В. Козлов

Мордовский государственный университет
E-mail: kozkovleonid@mail.ru

В статье анализируются правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу пределов ограничения права собственности за весь период его существования.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, правовые позиции, право частной собственности.

Socio-Political and Legal Significance of Principle of Inviolability of the Property in the Constitutional Court of the Russian Federation Decisions

L. V. Kozlov

The law positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the question of the right of private property restriction limits during its existence are analyzed in the article.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation, law positions, right of private property.

Конституционный Суд Российской Федерации за весь период своего существования неоднократно обращался к вопросам защиты права частной собственности. Он выработал ряд правовых позиций, касающихся пределов ограничения права собственности. Так, рассматривая дело о проверке конституционности Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 г. «О федеральных органах налоговой полиции», Конституционный Суд РФ выработал правовую позицию относительно ограничения права собственности и пределов этого ограничения в Российской Федерации¹.

По утверждению заявителей, взыскание органами налоговой полиции соответствующих платежей, включая недоимки по налогам, а также сумм штрафов и иных предусмотренных зако-

нодательством санкций с юридических лиц не в судебном (как это предусмотрено для физических лиц), а в бесспорном порядке, нарушает конституционное право частной собственности.

Конституционный Суд РФ исходил из тех положений теории собственности и норм Конституции РФ, согласно которым право частной собственности не является абсолютным и не принадлежит к тем правам, которые в соответствии со ст. 56 Конституции Российской Федерации не подлежат ограничению ни при каких условиях. Следовательно, по смыслу ст. 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, оно может быть ограничено федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Это соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права, в частности Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., согласно которой при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе (ч. 2 ст. 29). Аналогичное положение о допустимости ограничения прав человека и гражданина предусмотрено также Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г. (ст. 4).

